

После завершения рукопашного боя больше нечего было демонстрировать. Все труды и усталость за эти две недели были показаны всего за полчаса. Как говорится, три минуты на сцене — десять лет работы за кулисами. Вот так оно и было.

Директор, учителя и родители горячо аплодировали, испытывая искреннюю гордость. Смотрите, эти дети — ученики их Первой средней школы. Родители тоже чувствовали гордость: смотрите, это их дети.

Ван Бинь и инструкторы долго молчали, глядя на собравшихся. Затем Ван Бинь вздохнул и громко скомандовал:

— Все, свободны!

Как только прозвучали эти слова, кто-то заплакал.

Затем плач раздался со всех сторон.

Никто не двигался с места, все продолжали смотреть на Ван Биня и инструкторов.

Ван Бинь снова крикнул:

— Свободны!

Но никто не двигался.

— Какие три правила базы?

— Первое: подчиняться приказам инструкторов! Второе: полностью подчиняться приказам инструкторов! Третье: абсолютно подчиняться приказам инструкторов!

— Свободны!

— Так точно!

Постепенно люди начали расходиться, но большинство просто отошли в сторону, чтобы поплакать.

Ван Бинь с сожалением вздохнул и направился к директору.

Остальные инструкторы тоже с красными глазами поспешно ушли. Две женщины-инструктора были окружены плачущими девушками.

Многие родители, приехавшие за своими детьми, бросились их утешать. Вся база была наполнена грустью, которая давила на всех.

Цзинь Жуй взял Хэ Дачжуана за руку, чтобы забрать их вещи. Ван Бинь сказал, что тренировочную форму можно оставить себе на память. Неизвестно, было ли это из-за грусти или просто из-за атмосферы прощания, но глаза Хэ Дачжуана вдруг покраснели, и он опустил взгляд. Цзинь Жуй погладил его по голове, молча утешая.

Хэ Дачжуан молча собирал вещи, сжав губы.

Никто не стал переодеваться, все просто взяли свои вещи и, оглядываясь через каждые три шага, сели в автобусы. Некоторые девушки уже рыдали, сидя на земле, их глаза были

красными от слёз.

Кто-то взял телефон и попросил у инструкторов контакты. Некоторые даже взяли закуски или другие вещи, которые привезли с собой, чтобы подарить инструкторам.

Инструкторы ничего не взяли, только обменялись контактами.

Некоторые родители хотели сразу забрать своих детей, но те отказались.

Все сами пошли к автобусам, на которых приехали. Но никто не сел внутрь, все стояли снаружи и смотрели, как инструкторы, директор и Ван Бинь разговаривают. Затем директор повернулся к автобусам и, похлопав Ван Биня по плечу, сказал:

— Эти дети не хотят с тобой расставаться. Заходи как-нибудь в школу.

Ван Бинь кивнул:

— Они все хорошие.

Директор направился к автобусу.

Ван Бинь крикнул стоящим снаружи:

— Садитесь в автобус!

Только тогда люди начали медленно заходить внутрь.

Ван Бинь и четырнадцать инструкторов выстроились в ряд, как и в день их приезда, и смотрели на них.

Автобусы начали заводиться. Ван Бинь крикнул:

— Салют!

Все инструкторы одновременно отдали честь. В автобусах у многих на глазах появились слёзы, и кто-то крикнул:

— Салют!

Все пассажиры тоже ответили честью.

Кто-то начал петь песню, которую вчера пели Ван Бинь и инструкторы.

*Мы, солдаты, чем отличаемся?

Только тем, что носим простую военную форму.

С тех пор, как мы покинули родной дом,

редко видим родителей.*

Ван Бинь и инструкторы подхватили песню. Автобусы медленно удалялись от тренировочной базы, но все продолжали стоять с поднятыми руками, пели и плакали. Атмосфера в автобусах была очень тяжёлой. Только когда тренировочная площадка полностью исчезла из виду и они больше не видели Ван Биня и инструкторов, они опустили руки, но продолжали петь, и их

голоса разносились по всему небу...

Вернувшись в дом семьи Цзинь с вещами, Хэ Дачжуан лёг на кровать и уставился в потолок. После двух недель сна на армейской кровати мягкая постель казалась ему необычной.

Цзинь Жуй внезапно навалился на него, и Хэ Дачжуан испуганно посмотрел на него:

— Что ты делаешь?

В ответ Цзинь Жуй опустил голову, и его язык проник в рот Хэ Дачжуана.

Тот был застигнут врасплох и вынужден был принять поцелуй.

Руки Цзинь Жуй начали забираться под одежду, и Хэ Дачжуан заёрзал.

Цзинь Жуй недовольно ущипнул его за бок и начал массировать.

Хэ Дачжуан сжался от боли.

Цзинь Жуй отпустил его и, облизывая его губы, спросил:

— Помнишь, что ты мне обещал?

Хэ Дачжуан смотрел на него с недоумением: что он обещал?

Цзинь Жуй недовольно укусил его за губу:

— В бассейне.

Хэ Дачжуан вдруг вспомнил их разговор в душевой и покраснел. Они только что вернулись, неужели он уже думает об этом?

— П-подожди пару дней? Мы только вернулись, давай отдохнём?

Цзинь Жуй рассмеялся:

— Отдохнём? Уже две недели не было близости, сколько ещё ждать?

Хэ Дачжуан покраснел ещё сильнее:

— Ну, завтра?

— Завтра ты едешь домой.

— Тогда послезавтра?

— Нет, я хочу сегодня.

Цзинь Жуй наклонился, чтобы прикоснуться к шее Хэ Дачжуана.

Тому стало щекотно, и он начал извиваться:

— Мы ещё не помылись, не надо.

— Тогда давай помоемся и продолжим.

С этими словами он поднял Хэ Дачжуана, чтобы отнести в ванную.

Тот начал сопротивляться:

— Нет, я не это имел в виду.

Цзинь Жуй посмотрел на него:

— Ты хочешь нарушить обещание?

Хэ Дачжуану хотелось дать ему пощёчину, неужели он не может быть терпеливее?

— Нет, я имел в виду, что через пару дней.

Цзинь Жуй сжал его ягодицы:

— Тогда я возьму аванс.

Хэ Дачжуану хотелось выругаться, в чём разница между авансом и основным блюдом?

Ну, разница, наверное, в том, сможешь ли ты встать с кровати или нет.

— Мне завтра домой.

Хэ Дачжуан пытался выиграть время.

Цзинь Жуй улыбнулся:

— Я знаю, только один раз. И я обещаю не оставлять следов.

Хэ Дачжуану хотелось ударить его, неужели он это имел в виду? Неужели?

Но для Цзинь Жуйя это было именно так.

Он поднял Хэ Дачжуана и понёс в ванную.

Тот понял, что сопротивляться бесполезно, и сдался. Чем больше он сопротивлялся, тем сильнее раззадоривал Цзинь Жуйя, и в итоге страдал только он сам.

Сняв военную форму, Цзинь Жуй провёл рукой по его талии:

— Ты сильно загорел.

Хэ Дачжуан посмотрел на себя в зеркало, действительно, он стал намного темнее. Особенно лицо.

Цзинь Жуй долго массировал его талию.

Хэ Дачжуан нахмурился и оттолкнул его руку:

— Что ты делаешь?

Цзинь Жуй посмотрел на его талию:

— Когда он трогал тебя, что ты чувствовал?

Хэ Дачжуан закатил глаза, снова об этом.

Тогда он просто соревновался с Лун Сяосюном в рукопашном бою, а этот человек утверждал, что его трогали. Вечером он мылся три раза, прежде чем Цзинь Жуй успокоился.

Прошло уже столько времени, а он снова поднимает эту тему, просто чтобы поссориться.

Но ревность и собственничество Цзинь Жуй снова удивили Хэ Дачжуана.

Он решил промолчать.

Цзинь Жуй снял с него одежду и повёл к ванне.

После двух недель без близости Хэ Дачжуан чувствовал себя неловко.

Цзинь Жуй уложил его в ванну и сел на него, начав целовать.

Хэ Дачжуан запрокинул голову, целуя Цзинь Жуй, и схватился за край ванны, чувствуя себя странно.

Обычно он сидел сверху, а теперь Цзинь Жуй сидел на нём, и это было непривычно.

Цзинь Жуй медленно целовал его тело сверху вниз, остановившись на талии и сильно укусив.

Хэ Дачжуан сжался от боли и сердито посмотрел на него:

— Что ты делаешь?

Цзинь Жуй облизал место укуса:

— Здесь моё.

Хэ Дачжуан оттолкнул его голову:

— Я же сказал, не оставлять следов. Этот след точно не исчезнет к завтрашнему дню!

Цзинь Жуй улыбнулся и снова попытался поцеловать его.

Хэ Дачжуан отвернулся.

— Ничего, одежда скроет, не будет видно.

Хэ Дачжуан рассердился:

— Это не в счёт!

<http://bllate.org/book/16150/1447511>